

Е. РОМАНОВА

ПЕРЕПРАВА

Никто не расскажет о жизни ветеранов лучше, чем они сами. Преподаватель филфака Е.С. Романова (50-60-е гг.), чье творчество получило высокую оценку у известного мастера военной прозы, белорусского писателя В. Быкова, оставила нам замечательные рассказы - память о войне. Один из них («Переправа») мы не могли не включить в свое издание.

Переправа

Казалось, можно ли делать открытия для себя самой в своем собственном прошлом?

Позвонили, настойчиво пригласили принять участие в вечере воспоминаний. Вспоминать... Я забыть не могу! И за неделю до торжества, перебирая прошлое, выбирая, что рассказать, успею нагореваться... А потом, в течение отведенных мне минут, насмотрюсь, как в зале украдкой поглядывают на часы. А мне страшно за них, томящихся в ожидании танцев: что-то им доведется рассказывать через сорок с лишним лет?

...21 июня, в субботу, мы сдали какой-то экзамен - я заканчивала второй курс Смоленского педагогическо-

го института, и я выключила дома радио, чтобы в воскресенье подольше поспать. Встали мы поздно, я сидела за столом и что-то ела, вошел отец и сказал: «Началась война с Германией». Оказалось, что уже в течение нескольких часов бомбили наши западные города, граница была нарушена. На другой день к вечеру бомбили уже наш город.

Все пережитое в эти дни трудно рассказать кратко, каждая мелочь залегала больно и ярко в душе и в памяти. 25-го я сходила в военкомат, там были сокурсники. 27-го получила повестку. Отец уже ушел в ополчение. Мама моя, в годы гражданской медсестра Красной Армии, все мои поступки воспринимала как совершенно естественные. Я простилась с ней и с маленьким

братом... Мне дали направление в Смоленский окружной эвакогоспиталь на Покровке. В тот же день вместе с другими медсестрами отправилась сопровождать эшелон с ранеными в Вязьму.

Раненых сдали, поехали обратно - это была первая ночь, когда я, избалованная городская девочка, спала на голых досках товарного вагона. На исходе ночи, подъезжая к городу, мы увидели, как в голубых предрассветных сумерках огромной свечой на горах полыхает наш дорогой Смоленск.

Мне разрешили сходить домой. Я шла по середине улиц, с обеих сторон сыпались искры и падали головни из горящих зданий. Маму с братом я уже не застала, лишь короткая записка в почтовом ящике: «Уходим на восток, береги себя, целую». Я обошла вокруг нашего деревянного двухквартирного дома, до него мы несколько лет жили в чердачном помещении со скопленным потолком. В окно увидела свое голубое одеяло, нашу красивую сахарницу на столе... Стоя на завалинке, глядя на

эту сахарницу, я не посмела крепче дернуть непрочную створку окна, влезть внутрь...

Город бомбили через каждые два часа, а за короткую летнюю ночь - дважды. Госпиталь перевели за город на тридцать километров в сторону Кардымово. Но и там нас бомбили и днем, и ночью. Помню, как завывала сирена и способные ходить раненые побежали в самодельные укрытия. В палатах оставались те, кто не мог ходить. В моем коридоре было четыре палаты, я ходила по коридору и, открыв все четыре двери, чтобы всем было слышно, громко-громко говорила что-то вроде «ничего, ничего, сейчас все кончится». Выли немецкие мессеры, грохотали взрывы, подскакивал пол, падали оконные стекла, я думала: «Вот какой я молодец», - и вдруг увидела в зеркале свое лицо: оно было более больничных стен. И только тут я поняла, как мне страшно. Вдруг я услышала, что кто-то, кажется, поет на лестничной площадке. Я открыла стеклянную дверь. На верхней ступени лестницы сидела нянечка, которая

перед бомбежкой начала мыть полы. Сейчас она, нагнувшись, чтобы ее было слышно и на первом этаже (здания были деревянные, двухэтажные), громко пела какую-то песню. Я стала заходить в палаты и подтаскивать кровати ближе к двери, чтобы неподвижным людям был слышен голос этой смелой пожилой женщины.

Разве все рассказать?

Приходилось нам в те дни выезжать к разбомбленным эшелонам, в которых эвакуировали с запада раненых и семьи военнослужащих...

Разве все описать?..

...Вечером 14-го июля к госпиталю подали машины. Наступила летняя, довоенная, как три недели назад, сельская тишина. Стало ясно: Смоленск пал, до немцев тридцать километров. Торопливо грузили раненых. Темнело.

К нашему двухэтажному деревянному корпусу, одному из нескольких отделений госпиталя, подходил грузовик, в него залезали раненые, других подсаживали или втаскивали... Наполненная машина отходила; не зажигая фар, тихо подкатывала сле-

дующая. В одну из первых начальница нашего отделения посадила с пожилой санитаркой свою маленькую дочь. Машины уходили на Вязьму, там ждал эшелон...

В последнюю машину вошло восемь носилок с тяжелоранеными. Нам, медсестрам, грузившим до конца, места уже не было. Мы сидели на бортах, впившись пальцами в доски, засунув носки под перекладины носилок. Светало, и мы завидовали тем, кто доехал до Вязьмы затемно. Ждут ли нас, не укатили ли уже? Не должны. Небо голубело, это было страшно: неужели судьба не пошлет нам пасмурного дня?

Выехали на дорогу. По обочине идут солдаты, кто на костыле, кто с рукой на перевязи. Со стороны им кажется, что грузовик наш пуст, видно только, что девчонки на бортах сидят - мы еще и форму не получили. И идущие кричат: «Стой! Стой, паразит, а то шину стрелю!» (Именно, «стрелю», а не «прострелю» - сибирская речь). Шофер тормозит. Подбегут, ковыляя, схватятся за борт, чтобы перемахнуть-

ся, и видят восемь белых кукол в проступающих кровавых пятнах - подбинтовать было нечем... Сажень через десять снова слышим: «Стой!» Стало совсем светло. То и дело крик: «Воздух!» Пешие бросаются на землю, а машины куда деться? Погнался самолет за нами, на бредущем, боком, одно крыло вверх, другое вниз, видна голова летчика, плечи. Обходит кругом, огненная струя взметает землю перед машиной. Шофер поставил машину поперек дороги, остановился: пусть немец думает, что подбил! Поверил. Полетел вдоль дороги за другими. Мы двинулись, он вернулся, но шофер газует под развесистую иву у дороги... Самолет крутится, кажется, дерево заденет... Раненый говорит: «Сестрички, лезьте под машину, пулемет пропьет нас сквозь, нас собой не заслоните, а нам же хуже, если и вас посечет». Мы под машину! И так всю дорогу...

У развилки узнаем: ночью в Вязьме высадился немецкий десант. Судьба наших первых - и только ли наших - машин неизвестна...

Поворачиваем на Дорогобуж.

Река. Десятки... нет, сотни две грузовых машин беспорядочной очередью - толпой спускаются к воде. Понтонный мост шириной в две машины. Ползут грузовики по понтону очень медленно, так как бревна под ними булькают, качаются, моментами покрываются водой. Бревна уложены поперек дороги и скреплены по краям длинными продольными. За продольными, справа по узкому краешку, пробираются солдатики: кто руками переставляет ногу загибавшую, у кого на голове белая чалма, у кого что. С левой стороны, за продольным бревном, на кромке стоят два сапера, в опущенных руках по топору... Стонут раненые в машинах, пыхтят приглушенные моторы. И над всей этой ярмаркой госпитальных машин и раненых людей совсем низко резвятся два немецких самолета - пулеметные очереди вдоль и поперек крестят мост и скопление на берегу. Падают и рвутся небольшие бомбочки, - тогда я еще не знала, что они называются противопехотными. Истра-

тили пули и бомбы, поднялись ввысь, уходят. Уже они на горизонте, и противный звук их слаб, почти как комариный писк. Но рядом возникает такой же писк, все усиливающийся, появляются и растут в размере и звуке две новые точки - сменщики, новая пара немецких самолетов с новым запасом пулеметных лент и бомбочек через каждые пятнадцать минут с немецкой точностью. Пару раз налетали настоящие большие бомбардировщики, как те, что бомбили нас в предыдущие дни, но им трудно попасть в мост, они высоко. Воют сброшенные ими тяжкие чушки, подсакивает берег, взлетают избы близлежащей деревушки, а мост цел. Немцам невыгодно. А эти маленькие, что летают парочкой, пока наша машина стояла в очереди, посетили переправу шестнадцать раз.

Вот и мы на мосту. Он колыхается, вздрагивает. Соседняя машина ползет так же медленно, как и наша. Раненые просят пить, но во флягах у нас уже нет воды. И все те же двое саперов стоят на краю моста с топорами.

Четыре или пять часов они на моих глазах стоят на одном месте. Ведь можно сойти на берег, пока мост цел, так думаю я. Берег крутой, навесный. Несколько пещерок подкопано. А они стоят. Вновь прилетевшие делают заход. Вижу красное лицо, очки-консервы, огненная струя метит в колонну ползущих машин, но попадает между нами и саперами, проходит по продольному бревну, взметая ажурный полог белой щепы. Самолет делает новый заход, а я смотрю - мы еле ползем - в лица двух солдат с топорами. Один старый. По-моему, потогдашнему. Это теперь пятидесятилетних я считаю молодыми. Второй - мой ровесник. По загорелым добродушным лицам, по красным огромным рукам видно - колхозники, сельские люди. Страха в лице нет. Усталость. И напряженная забота.

Не знаю их имен. Теперь мне их и не узнать.

Ползем, ползем, бесконечно ползем. Гудят над нами два мотора, стрекочут два пулемета, уходят вниз под

воду колеса машин и поднимаются...

Но вот берег. Песок. Глубокий песок. Машина кряхтит. Улица, хаты на буграх, на буграх - наверно, от разлива. У дороги женщины, подают ведра с водой, кувшины с молоком, плачут, заглянув в нашу машину. Поим тех, кому можно пить, обмыли рты, умыли тех, кому пить нельзя. Соврали всем: «уже рядом», а что «рядом», и сами не знаем. И вдруг оказывается - близко Дорогобуж, а не доезжая - заградотряд сибирской дивизии... Заградность отправляет раненых и двух пожилых сестер дальше - Дорогобуж пуст. Нас, пятерых, мобилизуют...

Так я рассказывала всегда про эти дни. И все это было правдой.

Но оказывается, взором, через десятилетия обращенным в прошлое, можешь рассмотреть то, чего тогда не заметил.

...Десятки или сотни машин в полном техническом порядке, заправленные допыла, по точному расписанию подъезжали и отъезжали от корпусов госпиталя...

И это после трехнедельного пребывания под бомбежкой по десять раз в сутки! И у каждого из шоферов где-то в Смоленске или под Смоленском оставалась семья - жена, дети, старики. В этих людях, пропахших бензином, было нечто превыше жажды жизни, у них было чувство чести, сознание долга.

Каждый час, каждую минуту к госпиталю могли подскочить немцы на грузовиках, броневиках, танках - кто знает? А шофер нашей машины был последним, ждал, пока мы тащили неподвижных людей... На переправе он, здоровый мужик, за те пять часов, что мы ждали очереди, мог бы вплавь и пешком умотать в недосыгаемую даль. А он копался в моторе и собирал бензин из покалеченных и оставленных машин, из брошенных машин, с которых, видимо, люди, не выдержав, ушли пешком. Он не покинул раненых и женщин. Но тогда это было так естественно, что о нем я раньше и не вспоминала. И не знаю имени его, не помню его лица.

А тот, что за отсутствием

начальства сам поставил себя на развилке, ведущей на Вязьму, чтобы упреждать поток машин, а потом ладил какой-то знак опасности, чтобы был виден едущим, но не был замечен сверху? Кто ты! Где ты, старичище, если жив?!

Всегда я помнила тех двоих на мосту. А их сменщики, спавшие тогда под берегом, наверно, отстоявшие на этом мосту ночь? Кто уцелел? Кто остался на дне реки?! Представлял ли их к награде лейтенант, начальник этой переправы? Если сам пережил эту переправу. Если следующий день не был хуже... теперь-то я знаю, он был хуже. Как вознаградила жизнь этих людей за их верность долгу?

Вспоминая о переправе, я думала всегда так: нам повезло. От борта нашей машины до саперов было чуть больше метра, и пулеметная очередь прошла в полуметре от нас и в полуметре от саперов. Счастливая случайность!

И буквально на днях, через сорок шесть лет после переправы, меня вдруг осенило! Ведь щепка летела из продольного бревна на всем

его протяжении! С удивительной меткостью пулеметчик с воздуха стремился расщепить это бревно. Убить двух саперов? Станут новые двое. Машина с умирающими? Чепуха. Мост - вот что было делом, ведь еще не отошли защитники Смоленска. И фашист твердой рукой бил по продольному бревну. Расколы он его, поперечные поплыли бы по одному, машины пошли бы под воду, а навести новую переправу - попробуйте! Эту-то ведь наводили ночью...

А те двое понимали что к чему, они следили, чтобы не ослабли, не выскочили железные скрепы, державшие бревна вместе и не дающие мосту-плоту рассыпаться.

Они знали, что сверху жалеют тратить на них пули и секунды, но забавы ради могут и вильнуть свинцовой струей. Но они, эти люди, стояли.

И еще одно я осмыслила только сейчас.

Умный враг всегда бьет по длинному, скрепляющему мелкие бревна бревну.